

А.С. Макаренко

**Человек должен
быть счастливым**

Педагогика детства

Антон Макаренко

**Человек должен быть счастливым.
Избранные статьи о воспитании**

«Карапуз»

2009

УДК 37.0
ББК 74. 200

Макаренко А. С.

Человек должен быть счастливым. Избранные статьи о воспитании
/ А. С. Макаренко — «Карапуз», 2009 — (Педагогика детства)

Отношение к Антону Семеновичу Макаренко (1888–1939), его идеям и деятельности в разные времена отечественной истории было неоднозначным. Попробуем теперь непредвзято взглянуть на, в сущности, незнакомого нам и очень интересного педагога, почерпнуть актуальные и сейчас (может быть, более актуальные, чем во времена самого Макаренко) его идеи. Педагогика Макаренко максимально ориентирована на воспитание. Различным составляющим именно воспитания (не образования!), его факторам, условиям, критериям воспитанности посвящены многие страницы книги. Работы Макаренко о семейном воспитании вызовут желание задуматься о своем отношении к детям, к самим себе как родителям, раскроют истоки родительского авторитета, помогут лучше понять причины достижения одними успеха и счастья, а другими – краха и разочарований. Предназначена родителям и воспитателям, студентам и преподавателям.

УДК 37.0
ББК 74. 200

© Макаренко А. С., 2009
© Карапуз, 2009

Содержание

От составителя	6
Жизнь для счастья людей	7
Отец беспризорников	9
Счастливое детство – не значит беззаботное	12
Коллектив – главная форма воспитания	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Антон Семенович Макаренко
Человек должен быть счастливым.
Избранные статьи о воспитании

© ООО Издательский дом «Карапуз», 2009.

© В.Э. Черник – составление, вступительная статья, 2009.

От составителя

Наша страна, в которой традиционно все лучшее отдавалось детям, переживает непростой период, когда надо защищать детей. Защищать от растления, от пропаганды насилия, от идей индивидуализма, на которых воспитываются нравственные уроды, эгоисты. К защите детства стремятся всевозможные фонды, общественные организации. Об этой своей задаче говорит и государство, пытаясь найти секреты воспитания личности гражданина, достойного отечества своего.

В сегодняшней нашей жизни многие из нас пытаются определить секрет успеха. Кто-то ищет его в книжках по сетевому маркетингу, другие пытаются не пропустить ни кадра, ни слова фильма «Секрет»... Воистину: нет пророка в своем отечестве! При том, что отечественная культура – как историческая память – дает каждому из нас такую возможность.

Мы предлагаем вам книгу, в которой представлены педагогические работы Антона Семёновича Макаренко. Отношение к этому человеку, Педагогу в разные годы было неоднозначным. Есть повод сказать, что Макаренко уничтожали много раз: при жизни и уже потом, когда сам он ответить ничего не мог. Отношение к нему словно маятник: вознесся и – резко вниз.

Меж тем активный интерес к педагогике Макаренко, который мировая общественность стала проявлять после Великой Отечественной войны, когда советский народ одержал победу над фашистской Германией, с каждым годом только возрастает. Специалисты стремятся проникнуть в понимание характера воспитания молодежи «по Макаренко» в Советском Союзе (хотя мы знаем, что отечественная школа не всегда понимала и принимала Макаренко). Такие исследования педагогического наследия и опыта Макаренко ведутся в Германии, во Франции, Англии, Италии, Японии и других странах. Специалистов и просто небезразличных людей интересует, как Макаренко удавалось вернуть беспризорных, одичавших порой детей в общество и одновременно строить жизнеспособный детский коллектив, достигая «необратимых закреплений жизни». Многих привлекает убеждение А.С. Макаренко, что нормальный человек не может адаптироваться к «социальной помойке», в условиях помойки «воспитывается только хорошо адаптированная сволочь».

Его идеи распространились далеко за пределами России. Для многих японских фирм, например, произведения великого советского педагога стали настольной книгой. Мы питаем надежду, что и в вашей семье книга Макаренко, в которой представлены его идеи о воспитании в семье и школе, педагогическом и детском коллективе, качествах успешного наставника – родителя или педагога, – окажется востребованной.

Жизнь для счастья людей

Антон Семенович Макаренко родился 1 (13) марта 1888 г. в г. Белополье Сумского уезда, Харьковской губернии. Его отец, Семен Григорьевич, железнодорожник, более сорока лет работал на вагонном заводе. Описанный Макаренко в романе «Честь» как «высокий, худой и суровый человек, в своей жизни не видевший ничего, кроме труда», он любил сына, но относился к нему строго, не баловал. Мать А.С. Макаренко, Татьяна Михайловна, требовательная к себе и другим, была любящей женой и матерью, отличной хозяйкой. Семья жила бедно, но аккуратно и деловито. Ровные, сдержанные, проникнутые любовью отношения скрепляли всех членов семьи, у каждого из которых были свои строго определенные обязанности.

Мальчик рано, в возрасте пяти лет, научился читать. После городского училища А.С. Макаренко окончил одногодичные педагогические курсы и в 1905 г., получив звание народного учителя, был назначен преподавателем железнодорожного училища при заводе, где работал его отец.

Вскоре он стал учителем большого двухклассного железнодорожного училища, хотя сам Макаренко признавался, что пришел в педагогику случайно, без всякого на то призвания. Отец сказал: будешь учителем. Рассуждать не приходилось. И он стал учителем.

Но ограничиться одним лишь преподаванием с самого начала своей педагогической деятельности А.С. Макаренко не мог. Работа его сразу же вышла за рамки только учебы. Он стремился организовать образовательное пространство своих подопечных – саму их жизнь.

Уже тогда он понимал: ограничиться одной лишь учебной, классной работой с детьми нельзя, что естественным помощником и союзником школы является семья, а родителям требуется педагогическая помощь со стороны школы. Интуитивно он чувствовал, что педагогический процесс непрерывен во времени и пространстве, что для успешного взаимодействия все его участники должны быть организованы.

Начало педагогической деятельности А.С. Макаренко совпало с революционными событиями 1905–1907 гг. И, хотя он не был их активным участником, они оказали заметное влияние на молодого человека. Тогдашнюю жизнь он характеризовал как мерзкую, «...и наибольшей мерзостью в ней был, конечно так называемый кусок хлеба» [Т. 4. С. 9].

После нескольких лет работы в железнодорожной школе станции Долинская, Херсонской губернии, Антон Семенович в 1914 г. поступил в Полтавский учительский институт, где очень успешно учился. Именно здесь Макаренко развил свой исследовательский талант. Плодом долгих размышлений стало его сочинение на тему «Кризис современной педагогики», которое было отмечено первой премией.

В июне 1917 г. Макаренко с золотой медалью окончил институт. У него были планы продолжить образование в Московском университете. Однако им не дано было исполниться: в 1916 г. умер отец и нужно было заботиться о матери; а еще одна причина была связана с тем, что как казенный стипендиат Макаренко должен был либо вернуть деньги в казну, либо отработать шесть лет в школе. Так в сентябре 1917 г. Антон Семенович приступил к работе в школе при институте, который окончил и который был ему родным, где можно было продолжить профессиональное общение со своими наставниками – теперь уже коллегами, где можно было совершенствоваться профессионально.

Зимой 1917 г. Макаренко становится руководителем высшего начального училища в Крюкове, где когда-то начиналась его педагогическая деятельность. Время трудное, беспокойное: гражданская война, смена одной власти другой, голод, разорение, проблема элементарного выживания людей. Макаренко проявляет себя как умелый, ответственный и предприимчивый руководитель. Ему удалось получить ордер на разработку заброшенного сада и огорода. Были

созданы бригады садоводов, огородников, охраны во главе с педагогами. Совместный производительный труд дал к осени хороший урожай.

В этом опыте 1918–1919 гг. нетрудно заметить зачатки тех форм организации воспитанников, которые Антон Семенович применил впоследствии.

Отец беспризорников

К началу 1920-х гг. явно обозначилась острейшая проблема того непростого времени. Гражданская война, голод, разруха и бандитизм, захлестнувшие страну, породили огромное число беспризорных детей, лишенных родителей, домашнего очага, жизненных ориентиров. Детская беспризорность приняла, как это позже сформулировал Макаренко в одноименной работе, «масштабы гигантского несчастья».

По педагогическим меркам тех лет беспризорные дети и подростки, а также несовершеннолетние правонарушители подводились под категорию дефективных, или, как их тогда называли, – «отягощенных дурной наследственностью и неспособных к восприятию моральных норм, выработанных обществом».

По данным Наркомпроса РСФСР в 1922 г. из 277 учебно-воспитательных учреждений для социально запущенных детей и подростков 169 было для морально-дефективных. В учреждения для «морально-дефективных» направлялись не только совершавшие правонарушение или беспризорные дети, но и так называемые «трудные» учащиеся. Поводом для зачисления в такое учреждение могли послужить грубость, упрямство, ложь, курение, шалость и др.

Прогрессивные умы страны понимали, что дети нуждаются в защите. «Вернуть детям детство!», «Все на помощь детям!» – на эти лозунги откликнулись лучшие представители российской интеллигенции. Еще в конце 1918 г. в Полтаве появилась первая общественная организация – «Лига спасения детей», руководство которой осуществлял известный писатель и публицист В.Г. Короленко. Члены «Лиги» собирали средства для помощи беспризорным, создавали детские сады, приемники, колонии, санатории, в которых детей кормили и лечили. Благодаря этим усилиям удалось спасти тысячи обездоленных детей.

Для преодоления этого социального бедствия стали создавать многочисленные детские дома, колонии и коммуны. В сентябре 1920 г. А.С. Макаренко предложили возглавить работу по организации колонии для малолетних правонарушителей.

Это учреждение было организовано за городом, на территории бывшей колонии для малолетних преступников. Согласно еще дореволюционному российскому Уголовному кодексу от 1866 г., такого рода учреждения по принудительному воспитанию размещались, как правило, в сельской местности.

Первых десять воспитанников в возрасте от 15 до 18 лет Макаренко, которого отныне стали именовать не иначе, как «завкол» (заведующий колонией), принял в декабре 1920 г. двумя группами из «коллектора» (детприемника) местной комиссии по делам несовершеннолетних. Большинство из них были направлены в колонию за вооруженные разбойные нападения, часть была «политическими бандитами» – так тогда назывались члены национальных группировок, которые боролись против Советской власти. «Политический бандитизм» или «подозрение в шпионаже», то есть политическое преступление, были отмечены в списке Макаренко у 13 из 68 воспитанников как причина для направления в колонию – у почти 20 процентов. У каждого подростка была непростая судьба.

С самого начала работы с этими подростками Макаренко – «отец беспризорников» – применил в ярко выраженном противоречии с медико-психологическим образом мышления своего времени принцип «сожженной биографии»: «полнейшее игнорирование прошлого и тем более прошлых преступлений». При этом сам он был хорошо осведомлен о прежней жизни колонистов, даже когда утверждал, что просил свое начальство не присылать ему больше «дел». На основании «дел» и личных наблюдений «завкол» делал записи о колонистах, которые не только для них, но даже и для его сотрудников оставались табу.

Подростки должны были освободиться от фиксации на своей предыдущей жизни, которая мешала их общению друг с другом, блокировала их развитие и закрывала для них буду-

щее. Их энергию следовало направлять в плодотворное русло. Вместо вчерашних интересов пришли завтрашние заботы.

Макаренко не выделял никакого особенного метода для преодоления беспризорности и асоциального поведения, кроме коррекции характера. Она же должна, если это возможно, происходить не постепенно, а одномоментно, в форме потрясения в присутствии всех воспитанников, благодаря чему и добиваются «сильного впечатления». Так по меньшей мере гласят макаренковские «выводы из моего педагогического опыта» в докладах московского периода его жизни.

Макаренко понимал, что единственный путь нормального функционирования колонии, а также улучшения условий жизни – совместный труд. Однако колонисты наотрез отказывались работать и были убеждены, что «работа любит дураков», а на их век «дураков хватит» и т. п. Днем они отсыпались, а к вечеру уходили в город «на дело». К утру возвращались, зачастую нетрезвыми, завтракали и ложились спать. Всякие попытки приобщить их к делу вызывающе вежливо ими игнорировались. Колония, как пишет в «Педагогической поэме» Антон Семенович, все больше и больше принимала характер «малины» – воровского притона.

Сам Макаренко пытался найти ответы на возникавшие вопросы в педагогической литературе. «Главным результатом этого чтения была крепкая и почему-то вдруг основательная уверенность, что в моих руках никакой науки нет и никакой теории нет, что теорию нужно извлечь из всей суммы реальных явлений, происходящих на моих глазах». Мысль, которую прежде, в XIX в. высказывали видные педагоги И.Ф. Гербарт и К.Д. Ушинский, отмечавшие, что, по большому счету, педагогике невозможно выучиться, в ней не может быть и нет рецептов поведения, педагог «обречен» на глубокое осмысление реалий, в которых он оказывается. Более того, ждать и надеяться, что ответы на возникающие вопросы даст педагогическая книжка или лекция, нелепо, по меньшей мере. Между педагогической теорией и практической деятельностью существует неизбежный «разрыв». Тот самый разрыв между практической деятельностью (педагогическим искусством) и педагогической наукой (под которой понимается глубокое всестороннее изучение человека и всего, связанного с ним) заполняется, по мнению Гербарта, «тактом». Вовсе не тактичностью и деликатностью педагога. Это как раз то, что происходит мгновенно, порой интуитивно, на грани профессионального риска.

Как раз с «бесславного риска» Макаренко началась слава колонии имени Горького. На предложение пойти нарубить дров для кухни колонист Задоров задорно-весело ответил: «Иди сам наруби, много вас тут!». В состоянии гнева и обиды, доведенный до отчаяния и остервенения всеми предшествующими месяцами, А.С. Макаренко «размахнулся и ударил Задорова по щеке. Ударил сильно, он не удержался на ногах и повалился на печку. Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил третий раз». В эти минуты педагог чувствовал: «Скажи кто-нибудь слово против меня – я брошусь на всех, я буду стремиться к убийству, к уничтожению этой своры бандитов. У меня в руках очутилась железная кочерга. Я постучал кочергой по спинке кровати: «Или всем немедленно отправляться в лес, на работу, или убираться из колонии к чертовой матери!»

Воспитанники разобрали топоры, пилы и отправились в лес. А.С. Макаренко был в страшном напряжении: Задоров – «большой и сильный юноша», да еще с друзьями, да еще с топорами! К удивлению, все прошло спокойно: работали до обеда, в перерыве «смущенно закурили» из его запасов махорки. И вдруг Задоров разразился смехом: «А здорово! Ха-ха-ха-ха!». Обедали вместе, с аппетитом и шутками, но утреннего события не вспоминали. А.С. Макаренко не подавал вида, что смущен, и уверенно распорядился после обеда. Волохов ухмыльнулся, но Задоров сказал с самой серьезной рожей: «Мы не такие плохие, Антон Семенович! Все будет хорошо. Мы понимаем...» [Т. 1. С. 15–16].

Макаренко всегда сожалел об этом стихийном и неуправляемом взрыве эмоций. Он считал, что начал работу «с уголовного преступления». Это был удар, вызвавший у него «очень

тяжелое переживание, тяжелое во всех отношениях». Кошмарным казался для него вроде бы очевидный вывод: существует «педагогический закон: не ударишь – не поедешь». Педагог сорвался не потому, что был убежден в необходимости избить подростка, а сорвался просто как человек. И только через несколько лет он понял, «что и удар, и растерянность, и все мучения проистекали от того, что в руках ничего не было: ни знания, ни навыков, ни привычек, ни мастерства». «...Это событие носило для меня печальный характер, не в том смысле, что я дошел до такого отчаяния, а в том смысле, что выход нашел не я, а тот мальчик, которого я ударил... Не всякому удастся натолкнуться на такого человека, которого ударишь, а он протянет руку и скажет: я тебе помогу – и действительно поможет. А мне посчастливилось, и я тогда это понял» [Т. 4. С. 2, 9, 235, 257].

Это был тот самый «господин случай». Возможно, если бы Макаренко не написал об этом сам, колонисты этот «эпизод» могли и не рассказать.

На колонистов большое впечатление производили твердость и даже бесстрашие А.С. Макаренко, сочетавшиеся с неустанной, в подлинном смысле самоотверженной заботой о колонистах.

Счастливое детство – не значит беззаботное

Поблизости от колонии находилось полуразрушенное бывшее помещичье имение. Решено было заняться восстановлением в этом имении сельского хозяйства. «Если хорошо взяться за дело, – говорил Макаренко воспитанникам, – колония через год-два будет иметь много хлеба, овощей, ягод и яблок, можно даже поставить молочное хозяйство, развести свиней. Кончится полуголодная жизнь».

Труд предстоял тяжелый. Но Антон Семенович сумел увлечь ребят. Через год имение нельзя было узнать. Неузнаваемо изменились и сами колонисты.

«Счастливое детство – не значит беззаботное», – полагал А.С. Макаренко, поэтому «основанием русской школы должен сделаться не *труд-работа*, а *труд-забота*». В этом противопоставлении просматривается одна из идей великого русского педагога К.Д. Ушинского, который в своей статье «Труд в его психическом и воспитательном значении» характеризовал работу как нечто низводящее человека до уровня животного, раба, когда та не свободна, не носит творческого начала, не приносит удовольствия. Нужен свободный труд, на который человек решается во имя достижения великой цели и который, принося удовольствие, способствует развитию личности.

Макаренко реализовал на практике идею «*труда-заботы*». Благодаря этому труду колонистов материальное положение колонии им. М. Горького заметно улучшилось: с полей получали хлеб и овощи; имели породистых коров, свиней, большой сад; владели мельницей, обслуживавшей нужды колонии и окрестных селений. Но главные изменения происходили с воспитанниками колонии им. М. Горького, которые чувствовали себя полноценными хозяевами своего производства, которым они учились управлять. В процессе совместной работы между ними складывались особые отношения, связывающие их общей ответственностью и общим стремлением к достижению поставленных целей.

По некоторым признакам, несмотря на материальное довольство и внешнее благополучие, Антон Семенович заметил, что внутренний рост колонии приостановился, что нет уже у колонистов былого энтузиазма и устремлений. Жизнь без таких устремлений в дальнейшем могла превратиться в обывательское «проживание»: число коров и свиней увеличится вдвое или втрое, появится еще одно здание на территории колонии; спокойная, сытая жизнь, без борьбы, без исканий и идеалов...

Он понял: «Все дело в остановке. Не может быть допущена остановка в жизни коллектива». Человек должен всегда видеть новую перспективу. Материальное благополучие не может быть самоцелью: оно только одно из условий для развития сил человека, который рвется к широким, светлым просторам.

Возможность приложить свои силы к большому новому делу представилась довольно скоро. Вблизи Харькова, в зданиях бывшего Куряжского монастыря, находилась колония, в которой жило двести восемьдесят беспризорников. Куряжские педагоги не сумели наладить с ними никакой воспитательной работы и ограничивались «дежурствами» в своих комнатах, боясь даже показаться в гуще воспитанников. Имущество колонии было расхищено. Ребята ходили в лохмотьях, промышляя воровством на харьковских базарах, кражами в соседних селениях. Школы не было. Перед Макаренко и коллективом его воспитанников встала задача «завоевать Куряж». Решили всем составом переселиться туда, спасти погибающих ребят, подчинив их влиянию и режиму горьковцев.

Задача была поставлена очень смело. В колонии им. Горького тогда было сто двадцать воспитанников и среди них сорок новичков, недавно присланных, не успевших еще превратиться в настоящих горьковцев. Надо было оставить обработанные поля, сады, огороды, отремонтированные с большим трудом жилые помещения и прекрасные хозяйственные постройки.

В Куряже имелось, правда, сто двадцать гектаров земли, но три четверти было запущено и не обрабатывалось, здания были полуразрушены. А ведь предстояло создавать хозяйство, которое могло бы прокормить около пятисот человек.

Главный вопрос, однако, заключался не в материальном благополучии. Возникало опасение, как бы двести восемьдесят разложившихся куряжан, к которым легко могли присоединиться сорок новичков колонии им. М. Горького, не одолели небольшой коллектив старых горьковцев. Но Антон Семенович, решившись на «завоевание Куряжа», был уверен в победе, хотя и понимал, на какой большой риск он идет.

Руководство не только не поддерживало А.С. Макаренко, но относилось к его воспитательной системе отрицательно и нередко мешало ему работать. Ему рекомендовали другой план «завоевания Куряжа»: «постепенное проникновение» в Куряж в расчете, что «хорошие мальчики» – горьковцы будут положительно влиять на «плохих» куряжан. Макаренко считал такой план совершенно неприемлемым. К тому же куряжан всячески настраивали против горьковцев те несколько десятков «педагогов» куряжской колонии и ее заведующий, немедленного увольнения которых потребовал Макаренко.

После подготовительной работы передового отряда в середине мая 1926 г. совершилось переселение колонии им. Горького в неудобные, захламленные помещения Куряжа. Стройные ряды ста двадцати колонистов-горьковцев со знаменем, под звуки оркестра вступили в Куряж.

В том, как был «завоеван Куряж», ярко проявился стиль работы А.С. Макаренко: смелость решения, педагогическое чутье, авторитет и такт педагога, учет психологии воспитанников, умение воздействовать на них в самых трудных условиях, уверенность в могучей воспитательной силе коллектива.

Вместе с тем, он ясно осознавал, что победу надо закрепить: ошеломленные натиском, зачарованные красиво вступившими в Куряж стройными колоннами горьковцев с их привлекательной символикой и здоровым весельем, куряжане были захвачены неожиданным порывом. Но в педагогические чудеса Антон Семенович не верил.

А.С. Макаренко продумал план действий. Системой разнообразных педагогических приемов, тонко психологически рассчитанных и объединенных единой логикой, удалось при поддержке коллектива старых горьковцев в течение сравнительно короткого времени преодолеть затруднения. И снова пошли один за другим строгие и радостные рабочие дни, полные забот, маленьких удач и маленьких провалов. Жизнь в Куряже наладилась под искусным руководством Макаренко. Сложнее лишь стало направлять огромный коллектив воспитанников, шире стал размах работ. Нужно было прокормить уже не 150, а около 450 человек, надо было организовать работу в деревообделочных мастерских, изготовлявших для колонии и на заказ мебель и кое-какую утварь, в швейной, сапожной и других мастерских.

К 1925–1926 гг. хозяйство колонии достигло довольно высокого уровня, стало многоотраслевым (зерновые культуры, животноводство, овощеводство, цветоводство, пчеловодство). Это создало возможность более широкого разделения труда и на этой основе развития многообразных трудовых коллективных связей.

Мы не идеализируем опыт колонии им. М. Горького, выдавая его за некий безупречный образец воспитания подрастающего поколения. Надо ясно осознавать, что общая материальная нужда, тяжелое прошлое значительной части воспитанников затрудняли процесс воспитания, выдвигали нередко на первый план педагогической работы задачу перевоспитания. Сам Макаренко шел в те годы во многом неизведанными путями. В своей статье «Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького» (1925) Макаренко писал: «Мы имели возможность не зарыться в хозяйство, не сделались его рабами»... «Хозяйство должно рассматриваться нами прежде всего как педагогический фактор. Его успешность, конечно, необходима, но не больше всякого другого явления, полезного в воспитательном отношении. Прежде всего, в хозяйстве должны превалировать педагогические задачи, а не узкохозяйственные»...

В 1928 г. систему воспитания А.С. Макаренко в колонии им. М. Горького деятели образования, называемые им «педагогическим Олимпом», признали «несоветской». Уже казалось, что «песенка его спета». Но Макаренко удалось найти поддержку у «чекистов». Восемь лет, с 1928 по 1935 г., Макаренко отдал работе в коммуне им. Ф. Дзержинского. За это время она стала единственным в своем роде образцовым по постановке и удивительным по результатам воспитательным учреждением.

Именно здесь впервые в Советском Союзе было налажено производство электросверл и фотоаппаратов типа «лейка». Коммунары хорошо овладели производственными операциями, которые требовали очень точной, тонкой работы. Воспитанники работали 4 часа в день и получали зарплату.

Макаренко не скрывал, что на заработанные коммунарами деньги покупались автомобили для коммуны. На «детские деньги» (в фонд «Совета командиров» отчислялось по 10 % от заработков коммунаров) покупались добротные костюмы всем коммунарам, «приданое» коммунарам-молодоженам, выплачивались безвозмездные стипендии выпускникам коммуны, поступившим в институты. Оплачивались массовые ежегодные путешествия коммунаров по стране...

Большое внимание уделялось занятиям в школе, обучение в которой было обязательным. Разнообразной была культурно-досуговая жизнь коммунаров. Коммуна имела свой театр, духовой оркестр, в котором было 60 человек, технические и художественные кружки, клуб, библиотеку и т. д.

Макаренко верил, что *только школа-хозяйство сделает школу нормальной школой*. Школа-хозяйство, в которой не обучение «соединяют» с трудом, а труд, который носит развивающий характер, является стимулом и условием обучения. В современных поисках путей обновления отечественной школы весьма актуально звучат слова Макаренко о том, что трудовая подготовка подрастающего поколения – «это не просто дорога к средствам существования, это еще и этика, это философия нового мира. Как мы можем воспитать будущего гражданина, если с малых лет не дадим ему возможность пережить опыт этой трудовой заботы!»

Определяя *составляющие успеха воспитания личности и всякой деятельности*, А.С. Макаренко одним из самых важных называл *«талант оптимизма, прекрасного порыва в будущее»*. Именно это помогало преодолевать старые бедствия, старые привычки, старые образцы счастья. Новая педагогика рождалась не в мучительных судорогах кабинетного ума, а в живых движениях людей, в традициях и реакциях реального коллектива, в новых формах дружбы и дисциплины.

Другой важнейшей составляющей успеха Макаренко считал *«свободную инициативу»*. В своем письме к учительнице А.П. Сугак, которая активно пыталась вернуть педагога в Крюков, в марте 1923 г. А.С. Макаренко писал: «Все будет зависеть от того, насколько руководители просвещения окажутся не идиотами и не побоятся передать одну школу в руки свободной инициативы. Но когда у нас в России уважалась свободная инициатива? А пока не будет простора инициативы, никогда не будет новой школы. Это истина».

В 1933 г. была опубликована «Педагогическая поэма» Макаренко, которая была восторженно встречена читателями, но не затронула ум и сердце чиновников от науки. Представители «педагогического Олимпа» сделали вид, будто «Поэма» – только художественное произведение и не имеет отношения к педагогике. Игнорирование творчества Макаренко со стороны официальной педагогики продолжалось до самой его смерти.

В 1935 г. он оставил коммуну и перешел в управление трудовой колонией для несовершеннолетних в Киеве, где работал в течение двух лет. Срочный переезд в Москву спас Макаренко от возможных репрессий.

Коллектив – главная форма воспитания

Учение о воспитательном коллективе занимает центральное место в теории Антона Семеновича Макаренко. Он стал в его опыте «главнейшей формой воспитательной работы».

Первоначально Макаренко употреблял в различных вариантах термин «община»: «прогрессирующая община», «тесная община», «трудовая община» и др. [Т. 1. С. 16, 26]. В этом прослеживается влияние идей общинности и соборности жизни русского народа, что отвечало самой сущности человеческой природы, реализующейся в условиях социума.

Достичь своей цели люди могут только вместе, поэтому они объединяются и создают определенную социальную структуру. Они чувствуют необходимость в достижении общей цели, ощущают ее не как навязанную кем-то, чуждую, а именно как свою. Поэтому они разделяют общинные ценности, как правило, готовы придерживаться общепринятых норм поведения. Значит, это всегда не отдельные люди или группы, а единое целое (как организм, состоящий из отдельных органов): каждый имеет здесь свою роль в общем деле и уклониться от этого нельзя. В то же время роли эти разные, можно найти себе то, что соответствует твоим индивидуальным склонностям и способностям, чтобы и самоутвердиться, и принести пользу другим.

Если же теперь обратиться к идее соборности, то отметим, что этот, казалось бы, религиозно-богословский термин (соборность) давно и традиционно употребляется в светской литературе как понятие, обозначающее единство и целостность некоего социального организма. Соборность (по словарю В.И. Даля – сносить, свозить, сзывать в одно место, соединять и т. д.) лежит в основе этимологии слов: собор, собрание, сбор и др. Соборность реализуется в сотрудничестве и отражает в себе альтруистическую человеческую сущность, что предопределяет взаимосвязь этой идеи с основными направлениями гуманистической педагогики. Исходя из этой взаимосвязи, можно утверждать, что соборность отвечает демократическим и гуманистическим основам воспитания, развитию сотрудничества и самостоятельности в частности.

Скорее всего, А.С. Макаренко не шел по такой прямой логике в разработке своей концепции. Однако обращение к его опыту и педагогическому наследию позволяет считать, что идея коллективизма, создания детского воспитательного коллектива уходит своими корнями в историческое прошлое нашего народа. Соборность и общинность жизни русского народа были выработаны как необходимое условие и средство преодоления жизненных проблем, трудностей и даже выживания, что и определило главную особенность русского менталитета. Собственно, этого требовали условия жизни того времени: выжить можно было только объединенными усилиями педагогов и воспитанников; условия коллективной трудовой жизни создавали и естественные возможности для перевоспитания. Это ясно осознавал А.С. Макаренко.

Преодоление нездорового социально-нравственного опыта прошлого может быть достигнуто, по его мнению, «самым незамысловатым путем – путем организации прогрессирующей общины, с точным и открытым требованием, предъявленным к личности, с точной и открытой ответственностью» [Т. 1. С. 19].

Коллектив возникал на основе «живых требований» реальной жизни и формировался вследствие проб и ошибок. Он создавался без теоретического фундамента, «самыми быстрыми темпами», ощупью, без специально подготовленных кадров. В этих трудностях постепенно приходило понимание того, что коллектив – это «драгоценный и богатейший инструмент воспитания».

Что такое коллектив? По каким признакам можно определить его наличие и уровень развития? Как складывается и развивается коллектив? Эти вопросы занимали Макаренко до самого конца его жизни.

Основной признак коллектива – *единая общественно значимая цель, которая не противоречит нормам морали и права общества*. И такую направленность цели создания и деятель-

ности коллектива Макаренко связывал с общественным (не узкочастным) интересом. Такое его утверждение, подвергавшееся критике в отечественной литературе, вполне имеет право на существование, и в нем вовсе не заложена идея невозможности создания коллектива в «капиталистическом» обществе. Скорее всего, не это имел в виду Макаренко. И когда с ним заочно начинали полемизировать, оппоненты не учитывали, что общество стало другим. Постиндустриальное общество не может не ориентироваться на социально значимые цели, и ради достижения именно таких социально ориентированных целей в нем создаются «общины», или коллективы.

Другой важнейший признак коллектива – *отношения ответственной зависимости*. Макаренко отмечал, что «отношения товарища к товарищу – это не вопрос дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости». Создать отношения подчиненности, а не равностояния – «наибольшая хитрость... наибольшая трудность». Уметь приказать товарищу, потребовать выполнения, подчиниться – все это и создает систему ответственной зависимости. Ситуации подчинения и приказа должны встречаться как можно чаще [Т. 4. С. 133, 194]. Вот почему в коллективе важна смена ролей: сегодня исполнитель – завтра командир и наоборот.

Еще одним из признаков сложившегося коллектива Макаренко называл «органы коллектива» – *реально действующий актив*, работе с которым он придавал особое значение. В первое время ответственных, командиров назначал сам Макаренко – «завкол». Но вскоре сам собою образовался совет командиров, то есть правительство колонии, без консультаций с которым Антон Семенович не принимал ни одного решения. Отбор кандидатов на командирскую должность, их обсуждение и утверждение перешли в руки колониального правительства. Принцип кооптации и строгий отбор обеспечили, с одной стороны, постоянный приток в «кабинет министров» свежей крови, а с другой – исключили возможность перерывов в его работе. Совет командиров функционировал без простоев и компетентно руководил всей жизнью колонии.

Важнейшим признаком развитого коллектива становилось настоящее детское *самоуправление*. Макаренко считал необходимым «пропустить» каждого воспитанника через позиции «командира» и «подчиненного» и поэтому предлагал организовывать самоуправление не только «на выборности, но и на назначении».

Самоуправление детей рассматривалось им не как игрушка в виде «надстройки над фактическим управлением взрослых», а как основная организующая и управляющая жизнью колонии сила. Администрация учреждения, в том числе и педагогическая, «ни в коем случае не должна подменять органы самоуправления и самостоятельно решать вопросы, подлежащие ведению этих органов». Только в этом случае самоуправление «может сделаться самым эффективным воспитательным средством».

Так, например, было в опыте самого Макаренко: с осени 1930 г. в коммуне был отменен «институт воспитателей». Значительная часть функций при этом была передана органам самоуправления. Детский коллектив «жил, в известном смысле, самостоятельно»: сотни человек вовремя вставали, убирались, натирали полы, встречали дежурного командира, завтракали, шли на работу. И, «принимая новых пятьсот, ни один коммунары не предложил в панике: давайте все-таки пригласим воспитателей» [Т. 4. С. 273, 206, 324, 23].

Важным признаком коллектива является *дисциплина*. Причем не любая, а *сознательная*. Дисциплина – это не только свод правил, которые вырабатываются на общем собрании и потом определяют порядок поведения членов коллектива, принявших эти правила как условие более эффективной и безопасной организации жизни и деятельности в коллективе.

Дисциплина вырабатывается сообща. Но, тем не менее, и в опыте Макаренко были нарушавшие ее. Им была разработана оригинальная система воздействия на нарушителей. В каком-то случае это наказание-экспромт, в другом – беседа с глазу на глаз, арест и пребывание в кабинете «завкола» и др.

Все рассуждения по поводу того, что обойтись можно без наказаний, Макаренко отвергал, называя их ханжескими. «Наказание – не только право, но и обязанность в тех случаях, когда оно необходимо» [Т. 4. С. 157]. Смысл наказания, его сущность заключаются не в том, чтобы причинить человеку физическую боль, нравственное страдание или унижить. Сущность наказания в том, что человек переживает то, что он совершил, зная, что поступил неправильно, т. е. «в наказании нет подавленности, а есть переживание отрешения от коллектива, хотя бы минимального» [Т. 4. С. 158]. Как правило, наказание носило в опыте Макаренко так называемый отсроченный характер и предполагало пережить совершенное, поразмыслить и оценить с точки зрения соответствия нормам поведения, принятым в обществе, где ты находишься.

Зато в отношении к поощрению Макаренко практиковал авансированный подход, утверждая тем самым веру воспитанников в себя, свои силы. Вот как сам А.С. Макаренко раскрывал особенности этого воспитательного метода: «В отряде в большинстве отличники. Из 12 человек 10 отличников. Отряд выдвигается на первое место. Отряд получает известные преимущества, премию или наслаждение, например, несколько походов в оперный театр. Мы имели каждый день несколько билетов в театр. Все равно, идет весь отряд. И отличники идут, и те, которые не имели отлично, а имели даже плохие отметки. Они пользуются тем, что получил отряд.

Казалось бы, – несправедливо, а на самом деле чрезвычайно полезно, так как такой Петя, который среди 10 отличников идет в театр, чувствует себя неловко. Он не заработал, а пользуется и получает то, что заработали его товарищи, и это является для него молчаливым нравственным обязательством. На следующий месяц он из кожи вылезет, а выйдет в отличники... Такое авансирование личности через отряд нам очень помогает» [Т. 4. С. 166–167].

Особое значение в жизни коллектива имеют, по мнению А.С. Макаренко, *традиции*. «Ничто так не скрепляет коллектив, как традиция. Воспитать традиции, сохранить их – чрезвычайно важная задача воспитательной работы. Школа, в которой нет традиций... не может быть хорошей» [Т. 4. С. 134]. Традиции облегчают воспитательное влияние коллектива на личность и на общую жизнь ребят. Дети – сами удивительные мастера создавать традиции. В создании традиций вообще «нужно использовать маленький инстинктивный консерватизм, но консерватизм хорошего типа, т. е. доверие к вчерашнему дню, к нашим товарищам, создавшим какую-то ценность и не желающим эту ценность разрушать...» [Т. 4. С. 136]. Рождаясь порой спонтанно, традиции живут своей самостоятельной жизнью, создавая в коллективе особую атмосферу, эмоциональный настрой. В опыте самого Макаренко было немало примеров подобного рода.

Антон Семенович разработал и на практике блестяще использовал *принцип параллельного воздействия* на личность через коллектив и наоборот.

«Что такое параллельное педагогическое действие?

Мы имеем дело только с отрядом. Мы с личностью не имеем дела. Такова официальная формулировка. В сущности, это есть форма воздействия именно на личность, но формулировка идет параллельно сущности. На самом деле мы имеем дело с личностью, но утверждаем, что до личности нам нет никакого дела» [Т. 4. С. 165]. Речь идет о «скрытом» плане воздействия на личность, не заявляемом открыто, но осуществляющемся косвенно путем опоры на общественное мнение коллектива.

Макаренко никогда не выступал против индивидуального подхода он был против традиционного пути в его реализации. Он ясно осознавал, «что решающим в деле воспитания (собственно воспитания, а не вопросов образования) является не метод отдельного учителя и даже не метод целой школы, а организация школы, коллектива и организация воспитательного процесса» [Т. 4. С. 347]. При этом он выступал против гипертрофии индивидуального подхода, против веры в спасительность индивидуалистической педагогики, при которой на самом деле «возникает риск воспитать индивидов, и только» [Т. 4. С. 350].

Коллектив представлялся Макаренко постоянно развивающимся организмом. Открытым законом движения коллектива связан с постоянным усложнением *цели и деятельности коллектива*. В этой связи важны идеи Макаренко *о системе целей* (перспектив) в жизни каждого человека. Они имеют исключительно важное значение: стимулируют, направляют и характеризуют производственную и всякую иную человеческую деятельность.

«Человек не может жить на свете, – говорит Макаренко, – если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость» [Т. 3. С. 397]. В полной мере это относится и к детской жизни. Естественное стремление детей к завтрашней радости А.С. Макаренко использовал как средство включения их в труд и в активное выполнение всех других обязанностей в целях воспитания в детях активности, инициативы и целеустремленности. Этот метод педагогического воздействия Макаренко назвал *«системой перспективных линий»*.

Далеко не все виды детской деятельности могут быть радостны сами по себе, и далеко не всегда деятельность детей может принести непосредственно ощутимые плоды. Значение метода перспективных линий в том и состоит, что он стимулирует деятельность детей более или менее отдаленной целью и через это воспитывает в них целеустремленность, сознание общественного долга, умение бороться с трудностями, преодолевать препятствия.

Важно заметить, что Макаренко всегда имеет в виду систему перспективных линий, а не постановку отдельных, не связанных друг с другом целей детской жизни. Это связано с тем, что, во-первых, он ставил перед собой задачу организации всей жизни детей, а не отдельных ее элементов, и, во-вторых, только этим можно добиться *плановости* в развитии коллектива, сознательной организации всей его жизни.

Система перспективных линий – это метод развития коллектива, и поэтому, вырастая из потребностей жизни коллектива, перспективы в то же время должны несколько опережать его сегодняшний уровень, поднимать коллектив на новую ступень. Именно в этом заключается их организующая и направляющая роль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.